

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВАГО КРЫЛА СОЮЗНЫХЪ АРМІИ

ОТЪ 25-го ДО 30-го АВГУСТА 1813 ГОДА (*).

(Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго, командира 2-го русскаго корпуса).

Много говорено было въ книгахъ и журналахъ о дѣйствіяхъ праваго крыла союзной арміи въ августъ 1813 года. Я считаю своею обязанностію разсказать объ этихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что, въ настоящее время, меня ничто не связываетъ говорить о происшествіяхъ этой эпохи (**).

Приказомъ по главной союзной арміи 25-го (***) августа 1813 года, графъ Витгенштейнъ получилъ предписаніе, съ частью войскъ своего корпуса, содержать въ блокадѣ Кенигштейнъ и наблюдать за переправкою черезъ Эльбу у Пирны, а съ остальною частью идти къ Дрездену. Затѣмъ, графъ, вслѣдствіе приказа главнокомандующаго, поручилъ мнѣ наблюдательный корпусъ, въ составъ котораго вошли 15 баталіоновъ моего 2-го корпуса, 5 баталіоновъ 14-й дивизіи, 4

(*) «Ueber die Begebenheiten auf dem rechten Flügel der allirten Hauptarmee in der Epoche vom 25 bis 30 August 1813». Помѣщая переводъ названныхъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго, считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ «Военнаго Сборника», что въ нашемъ журналѣ за 1864 годъ, въ №№ 8-мъ и 9-мъ, были помѣщены выдержки изъ известнаго труда бывшаго адъютанта принца Евгенія, генерала барона Гельдорфа, «Aus dem Leben des kaiserlich-russischen Generals der Infanterie Prinzen Eugen von Württemberg»; при этомъ было упомянуто (см. 45 стр., въ № 9-мъ) объ описаніи участія принца въ Кульмскомъ сраженіи въ его собственныхъ запискахъ. Нынѣ помѣщаемъ переводъ этихъ записокъ, какъ матеріалъ для исторіи войны 1813 года, составленный однимъ изъ главныхъ героевъ Кульмскаго боя. *Ред.*

(**) Записки эти написаны въ 1857 году.

(***) Числа обозначены по новому стилю.

эскадрона гусаровъ и улановъ, казачій полкъ Иловайскаго 12-го и 3 батареи; такимъ образомъ, у меня было 13,000 человекъ, къ которымъ, въ послѣдствіи, присоединились присланные мнѣ Великимъ Княземъ Константиномъ 4 эскадрона лейбъ-кирасирскаго Ея Величества полка, подъ командою бригаднаго командира принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго.

Пять баталіоновъ 14-й дивизіи, вмѣстѣ съ двумя эскадронами Лубенскаго гусарскаго полка, казаками Иловайскаго 12-го и 16-ю орудіями, подъ начальствомъ генераль-маіора Гельфрейха, стояли уже съ 22-го числа у Никольсдорфа, къ югу отъ Кенигштейна, а два баталіона Ревельскаго пѣхотнаго полка у Пирны. Бригада полковника барона Людинггаузена-Вольфа, состоявшая изъ Черниговскаго и Муромскаго пѣхотныхъ полковъ (четыре баталіона), съ двумя эскадронами Серпуховскаго уланскаго полка и 4-мя орудіями, расположилась на площадкѣ у Пирны, между Гроссъ-Струпеномъ и Кричвицемъ, противъ лѣса, находящагося къ сѣверо-западу отъ Кенигштейна. Остатокъ корпуса, до дальнѣйшей диспозиціи, стоялъ между Цегистой и Торной, фронтомъ противъ Пирны.

Рано утромъ, 26-го августа, полковникъ Вольфъ донесъ, что непріятель въ числѣ, какъ казалось, 50,000, переправился черезъ Эльбу у Кенигштейна. Не имѣя извѣстія о томъ, что происходило подъ Дрезденомъ, я принялъ эти значительныя силы за авангардъ непріятельской арміи, и рѣшился со всѣми войсками, находившимися въ моемъ распоряженіи, двинуться къ ближайшему дефиле, т. е. къ позиціи, занимаемой полковникомъ Вольфомъ, и идти на встрѣчу непріятеля, чтобы дать время главнымъ силамъ нашимъ прибыть къ мѣсту, угрожаемому опасностью. Я извѣстилъ объ этомъ сосѣдей моихъ черезъ адъютантовъ, и донесъ въ главную квартиру, что имѣю въ виду, моимъ смѣлымъ рѣшеніемъ, удерживать площадку у Пирны только до 26-го августа вечера, и если не получу подкрѣпленія, то вынужденъ буду оставить упомянутыя высоты, чтобы ночью не быть окруженнымъ непріателемъ.

Я бы умолчалъ о всѣхъ непріятныхъ происшествіяхъ этого дня, если бы они не были уже всѣмъ извѣстны (*).

Вмѣсто отвѣта на мои донесенія я получилъ, въ четыре часа пополудни, именно въ ту минуту, когда былъ атакованъ непріателемъ у Кричвица, черезъ генераль-адъютанта Остермана-Толстаго, записку отъ графа Витгенштейна; въ ней онъ передавалъ графу Остерману,

(*) Принцъ намекаетъ на обстоятельства, изложенныя въ предисловіи къ труду барона Гельдореа (см. «Военный Сборникъ», 1869 г., № 8, стр. 258—268).

какъ будущему начальнику праваго крыла, послѣднія мои сообщенія. Графъ Остерманъ былъ старше меня по службѣ, а потому я обратился къ нему съ просьбою сообщить мнѣ, что онъ намѣренъ дѣлать; при этомъ подтвердилось то, что уже давно было извѣстно въ арміи, что онъ былъ боленъ и не былъ способенъ къ сложнымъ соображеніямъ. Это утверждали также и чины моего штаба, которые присутствовали при моемъ разговорѣ съ нимъ. При этомъ, не смотря на наше стараніе уговорить графа оставить поле сраженія, не могли этого достигнуть, и онъ тогда только тронулся съ мѣста, когда пуля попала ему въ эпюлетъ. Поручикъ Степановъ проводилъ его на прежнюю мою квартиру въ Цегисту, гдѣ онъ и провелъ ночь въ сильномъ волненіи.

Войска 2-го корпуса и кирасиры принца Леопольда были такъ счастливы, что отбили всѣ нападенія 26-го августа по-полудни; но отрядъ генерала Гельфрейха не могъ удержать превосходнаго въ силахъ непріятеля и вечеромъ отступилъ, частью на Котту и частью на Бергъ-Гисгубель, что и вынудило меня отойти и занять позицію передъ Гроссъ-Седлицемъ, какъ я о томъ уже доносилъ. Возвратившіеся изъ Дрездена офицеры мои привезли мнѣ извѣстіе, что тамъ было генеральное сраженіе и, слѣдовательно, отъ Кенигштейна немцы намъ было ожидать всей французской арміи.

Съ мѣста сраженія подъ Кричвицемъ, которое мы удержали за собою, и только ночью оставили, я отправилъ къ генералу Барклаю моего оберъ-квартирмейстера полковника Гофмана, съ словеснымъ донесеніемъ о случившемся; было темно, и я не могъ доносить письменно. Офицеръ этотъ возвратился ко мнѣ только 27-го августа въ полдень. Считаю необходимымъ разъяснить, сколько возможно, результаты моего донесенія.

Едва только успѣлъ пріѣхать полковникъ Гофманъ къ Барклаю, какъ тотъ приказалъ ему явиться въ главную квартиру. Тамъ пригласили его на совѣщаніе съ генераль-квартирмейстеромъ союзной арміи фельдмаршалъ-лейтенантомъ Радецкимъ и съ начальникомъ главнаго штаба Императора Александра, княземъ Петромъ Волконскимъ. Гофманъ, изложивъ положеніе дѣла, получилъ отъ Радецкаго слѣдующую инструкцію: «свято оберегать сообщеніе съ Богемією». Вслѣдъ за симъ Барклай получилъ приказаніе подкрѣпить меня, и когда Гофманъ пришелъ къ нему, онъ объявилъ ему, что 1-я гвардейская дивизія получила уже приказаніе, на маршъ своемъ къ Дрездену (куда она готовилась идти), остановиться у Пирны.

Рако утромъ, 27-го августа, я узналъ, что командиръ гвардей-

скаго корпуса, генераль-лейтенантъ Ермоловъ, находившійся лично при 1-й гвардейской дивизіи, явился къ графу Остерману и соединился съ нимъ. Ермоловъ былъ моложе меня по службѣ, и отношеніе его къ Остерману я могъ принять за одну лишь формальность; но обстоятельства требовали отъ меня бѣльшей осмѣтрительности, въ особенности теперь, когда я ожидалъ новыхъ инструкцій изъ главной квартиры, и пока непріятель еще не предпринималъ ничего рѣшительнаго.

Непріятельскій 1 й корпусъ, подъ начальствомъ Вандама, расположился передъ нами развернутымъ фронтомъ на Пирнской площадкѣ.

27-го августа, во время перестрѣлки нашей въ цѣпи, сильная пушечная канонада возвѣстила намъ о сраженіи подъ Дрезденомъ. Мы прикрывали у Гроссъ-Седлица правое крыло главной арміи, а Гельфрейхъ во все время наблюдалъ дорогу въ Богемію у Котты и Гисгюбея. Кавалерія наша, подвѣрженная лейбъ-гусарами и татарскими уланами, подъ начальствомъ генераль-маіора Кноринга, поддерживала и прикрывала затруднительное отступленіе Ревельскаго пѣхотнаго полка изъ Пирны. Полкъ этотъ спасеніемъ своимъ обязанъ принцу Леопольду, который съ своими кирасирами опрокинулъ непріятеля.

Четыре флигель-адъютанта Императора Александра прибыли на мѣсто битвы, чтобы собрать вѣрныя свѣдѣнія о происходящихъ дѣйствіяхъ. Трехъ изъ нихъ: Кутузова, Браницкаго и князя Голицына я видѣлъ въ маленькомъ замкѣ, на горѣ противъ Пирны, гдѣ уже прежде находились графъ Остерманъ и Ермоловъ. Когда они получили желаемыя свѣдѣнія, князь Голицынъ спросилъ меня: можетъ ли онъ смѣло донести Государю о всемъ случившемся. Я совѣтовалъ ему быть какъ можно умѣреннѣе въ своемъ докладѣ и просилъ только о скорѣйшей инструкціи, обѣщавъ, съ своей стороны, всѣми силами стараться действовать къ лучшему.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ этого, ко мнѣ возвратился полковникъ Лейбманъ и не привезъ ни малѣйшаго разрѣшенія относительно графа Остермана, такъ что я былъ въ большемъ затрудненіи. Хотя я уважалъ генерала Ермолова, но мнѣ не приходилось, однако, ему повиноваться, такъ какъ я былъ старше его въ чинѣ; я не получилъ никакого приказанія, которое бы предлагало мнѣ передать начальство Остерману. Старшинство въ чинѣ, при настоящемъ положеніи графа, я было, конечно, и Ермоловъ, безъ Высочайшаго разрѣшенія, даже въ званіи начальника штаба, не имѣлъ право взять на себя отъ Остермана въ распоряженіяхъ, какъ въ служебномъ, такъ и въ армейскихъ дѣлахъ. Я же не могъ отказаться отъ своего

права, чего и не сдѣлалъ. Съ другой стороны, мнѣ до сихъ поръ еще неизвѣстно, не прислалъ ли Барклай Ермолова дѣйствовать своимъ вліяніемъ на Остермана; я заключаю это потому, что Ермоловъ взялъ къ себѣ всѣхъ ординарцевъ графа и его именемъ отдавалъ приказанія.

Такое положеніе дѣлъ могло имѣть самыя дурныя послѣдствія. Прежде обсуждения моихъ дѣйствій, необходимо представить подробное объясненіе тогдашнихъ событій. Къ этому служатъ полученныя повѣнѣйшія свѣдѣнія.

Историкъ Плоте (Plothe) утверждаетъ, что начальство надъ правымъ крыломъ союзной арміи (въ составѣ двухъ русскихъ пѣхотныхъ корпусовъ, 14-й дивизіи, 1-й гвардейской дивизіи, нѣсколькихъ конныхъ полковъ и проч.) поручено было генералъ-адъютанту графу Остерману 26-го августа вечеромъ. Это совершенная ошибка. Я уже упоминалъ о приказѣ по арміи Шварценберга 25-го августа, а графъ Остерманъ прибылъ ко мнѣ 26-го вечеромъ. 1-я гвардейская дивизія, которая 25-го стояла еще въ Богеміи, вслѣдствіе моего донесенія, получила приказаніе слѣдовать къ Дрездену только ночью, съ 26-го на 27-е. Два конныхъ полка отправлены были ко мнѣ на подкрѣпленіе 27-го утромъ. Мой адъютантъ, Молоствовъ 2-й, посланный мною 26-го утромъ къ графу Витгенштейну, съ донесеніемъ о переправѣ непріятеля черезъ Эльбу у Кенигштейна, засталъ графа Остермана въ разговорѣ съ графомъ Витгенштейномъ и слышалъ, какъ послѣдній сказалъ первому: «Allez chez le Prince Eugène; il vous donnera tous les renseignements dont vous avez besoin (*)». Вслѣдствіи Витгенштейнъ говорилъ мнѣ: «Croyez vous bien que je vous aurais envoyé ... Ostermann? L'ordre venait de Barklay. J'avais cru qu'on perdait la tête au quartier-général; au fond c'était un mésentendu (**)». Генералъ Барклай съ своей стороны утверждалъ, что онъ полагалъ корпусъ мой на маршѣ къ Дрездену, и что только часть его оставлена для блокады Кенигштейна. Отправленіе Остермана было слѣдствіемъ настоятельнаго приказанія Государя. Это подтверждаетъ также Фальмерейеръ (Fallmeyer) въ своей Аугсбургской газетѣ («Allgemeine Zeitung», 1853 года, въ №№ 101-й, 102-й и 103-й, въ статьѣ «о Кульмѣ», говоря, будто бы Барклай сказалъ Остерману: «Vous trouverez là

(*) Отправляйтесь къ принцу Евгенію, онъ объяснитъ вамъ все, что нужно.

(**) Неужели вы думаете, что я послалъ бы вамъ ... Остермана? Это приказаніе было отъ Барклая. Я думалъ, что въ главной квартирѣ потеряли голову; впрочемъ, это было недоразумѣніе.

(devant Königstein) le Prince Eugène avec sept bataillons. Allez vous faire tuer seul. Vous n'aurez pas d'autre secours (*)». Совершенно вѣрно, что 25-го, вечеромъ, передъ крѣпостью Кенигштейномъ стояли у Никольсдорфа только пять баталіоновъ, подъ начальствомъ Гельфрейха, и два баталіона Ревельскаго пѣхотнаго полка у Пирны, всего семь баталіоновъ, которые полагали поручить Остерману. Общее мнѣніе, что Остерманъ былъ начальникомъ праваго крыла, было слѣдствіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я буду еще говорить. Они-то и были поводомъ всѣхъ недоразумѣній и противорѣчащихъ приказаній отъ Барклая и отъ Императора Александра.

27-го августа, послѣ упомянутыхъ мною трехъ флигель-адъютантовъ, пріѣхалъ ко мнѣ на бивакъ 2-го корпуса еще четвертый, полковникъ Вольцогенъ. Этотъ офицеръ, до октября 1805 года (въ то время прусскій поручикъ), былъ моимъ гувернеромъ. Онъ передалъ мнѣ, что Императоръ Александръ, зная мое къ нему (Вольцогену) довѣріе, поручилъ ему немедленно ѣхать ко мнѣ, не оставлять меня въ такомъ затруднительномъ положеніи и сказать мнѣ, что, по моему требованію, всякая помощь, какая только понадобится, будетъ мнѣ доставлена. Государь, отправляя Вольцогена 27-го рано утромъ, самъ не зная о приказаніи Барклая 1-й гвардейской дивизіи. По этому я тотчасъ же отправилъ Вольцогена обратно къ Государю и поручилъ ему доложить Императору тоже самое, что я передавалъ князю Голицыну. Такимъ образомъ, все у насъ осталось *in statu quo*. Въ моемъ штабѣ было какое то неудовольствіе противъ генерала Ермолова, котораго обвиняли въ томъ, что онъ, прикрываясь личною Остермана, хотѣлъ быть самъ главнымъ распорядителемъ; дѣйствительно, очень незавидное положеніе. Отряды мои и Ермолова находились вмѣстѣ, или, лучше сказать, одинъ за другимъ, и не получали никакихъ приказаній. Какъ я уже замѣтилъ, наши и непріятельскія войска цѣлый день 27-го простояли одни противъ другихъ въ бездѣйствіи, за исключеніемъ незначительныхъ стычекъ на Гаусбергѣ, занятомъ непріателемъ, и нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ въ передовой цѣпи. Шелъ проливной дождь и густой туманъ застилалъ все передъ нами. Я провелъ ночь съ 27-го на 28-е въ замкѣ Гроссъ-Седлицъ; о помѣщеніи Ермолова и Остермана я не имѣлъ свѣдѣній.

На разсвѣтѣ 28-го я узналъ, что графъ Остерманъ получилъ

(*) «Вы найдете тамъ передъ Кенигштейномъ принца Евгенія съ семью баталіонами. Идите на смерть. Вы не получите подкрѣпленія».

предписаніе отъ Барклая отступить на Максенъ. Предписаніе этого я не видалъ. Ко мнѣ прибылъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ съ отвѣтомъ Императора Александра на мое донесеніе отъ 27-го. Вольцогенъ сообщилъ мнѣ, что онъ являлся къ Государю въ ту минуту, когда Моро былъ раненъ, и поэтому могъ говорить съ Его Величествомъ только по прошествіи нѣкотораго времени. Онъ былъ отпущенъ только 27-го поздно вечеромъ и темнота ночи вынудила его остановиться; вотъ почему онъ такъ опоздалъ прїѣздомъ. Вслѣдствіе его сообщеній, армія получила приказаніе отступать къ Богеміи, а мнѣ предстояло идти на Петерсвальде, т. е. прикрыть дорогу въ Богемію, какъ предписывалъ Радецкій. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ никакой надобности не было соображаться съ предписаніемъ, даннымъ Барклаемъ Остерману; но нужно было убѣдить Ермолова въ необходимости слѣдовать за мною по направленію къ Петерсвальде. На сколько могу запомнить, по этому поводу происходило, подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи Вольцогена, краткое совѣщаніе между мною, Ермоловымъ и принцемъ Леопольдомъ. Вѣрно то, что я вслѣдъ за тѣмъ написалъ на барабанѣ диспозицію къ отступленію; мой дежурный штабъ-офицеръ Молоствовъ первый списалъ ее и передалъ въ войска. По этой диспозиціи предполагено было генераль-маіору Кнорингу сдѣлать фальшивую атаку на Гаусбергъ съ четырьмя баталіонами 4-го Егерскаго и Ревельскаго пѣхотнаго и тремя эскадронами Татарскаго уланскаго полковъ, а остальной части 2-го корпуса выступить изъ Цегиста на Котту, открыть тамъ сообщеніе съ генераломъ Гельфрейхомъ и тоже сдѣлать ложное нападеніе на Кричвицъ. Подъ прикрытіемъ этихъ движеній, гвардіи, остальной кавалеріи и большей части артилеріи предписано было отступать на богемскую большую дорогу, черезъ Бергъ-Гисгюбель и Гелендорфъ къ Петерсвальде, а войска 2-го корпуса должны были слѣдовать за гвардією, частью черезъ Геперсдорфъ и Шенвальдъ къ Нолендорфу, а частью черезъ Гисгюбель и такъ далѣе до Петерсвальде.

Когда колонна князя Шаховскаго, согласно этому распоряженію, двинулась черезъ Цегисту на Гроссъ-Котту, графъ Остерманъ громко выразилъ свое неодобреніе, полагая что 2-й корпусъ оставить его съ гвардією на жертву непріятеля. Записки Вольцогена и другихъ авторовъ говорятъ, что вслѣдствіе этого, будто бы, была ссора между мною и графомъ; въ дѣйствительности же ея не было; напротивъ того, мнѣ сказывали, будто бы Вольцогенъ говорилъ тогда, что графъ поручилъ ему увѣрить Его Величество, что на мнѣ одномъ

должна лежать ответственность. Фактъ этотъ я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Я опять отправилъ полковника Вольцогена къ Государю, чтобы доложить Его Величеству о моихъ распоряженіяхъ и, какъ мнѣ извѣстно, Вольцогенъ засталъ Государя въ Альтенбергѣ. Только тогда въ главной квартирѣ узнали, что и гвардія выступила на большую богемскую дорогу.

Непріятель началъ атаку на Гаусбергъ у Пирны. Ермоловъ подкрѣпилъ отрядъ генерала Кноринга лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Бистрома, который рѣшительнымъ нападеніемъ отбросилъ непріятеля и взялъ обратно Гаусбергъ. Это удачное дѣло, также какъ и дѣло у Кричвица, гдѣ генералъ Гельфрейхъ вытѣснилъ непріятеля изъ Котты, а полковникъ Вольфъ преслѣдовалъ его до Кричвицкихъ высотъ, до того ввели въ заблужденіе Вандама, что мы ясно видѣли, какъ онъ стягивалъ всѣ свои войска на высотахъ и не дѣлалъ ни какихъ приготовленій, чтобы воспрепятствовать отступленію нашему черезъ Гисгюбель.

Если бы гвардія, бывшая уже на маршѣ, продолжала путь свой, не останавливаясь, то маневръ этотъ удался бы безъ особенныхъ затрудненій. Но лишь только я вѣхалъ на гору у Ботты, чтобы подробно осмотрѣть всю окрестность, то ясно увидѣлъ, что гвардія съ кавалерією и артилерією, а именно 1-я гвардейская бригада, подъ начальствомъ генерала барона Розена, расположилась въ разныхъ мѣстахъ у Ротъ-Вернсдорфа варить пищу. Въ это время, опомнившійся непріятель направилъ нѣсколько колоннъ на Гисгюбель, чтобы преградить намъ путь къ отступленію. Такъ какъ я въ тоже время встрѣтилъ нѣсколько ординарцевъ графа Остермана, съ непонятными для меня порученіями, то я изъ этого заключилъ, что онъ могъ быть виною этой остановки. Вслѣдствіе этого, я тотчасъ же отправилъ къ гвардіи адъютанта моего, полковника Вахтена, чтобы убѣдить графа въ необходимости отступленія. Изъ донесенія адъютанта я узналъ, что онъ нашелъ Остермана сидѣвшимъ на барабанѣ, и пристально смотрѣвшимъ въ землю. Вахтенъ обратился къ Ермолову, который въ ту же минуту далъ приказаніе къ выступленію. Первый двинулся генералъ-майоръ Розенъ съ гвардейскою кавалерією, за нимъ слѣдовалъ Преображенскій полкъ съ начальникомъ дивизіи барономъ Розеномъ. Артилерія дошла благополучно до Петерсвальда; но Преображенскій полкъ, проходя черезъ Гисгюбель, былъ уже встрѣченъ непріятелемъ, котораго, однако, стремительно атаковалъ и отбросилъ назадъ. Какъ мнѣ послѣ передавали, Остерманъ самъ былъ въ атакующей колоннѣ. Слѣдомъ за этою колонною безпрепятственно про-

шли черезъ Гисгюбель вся гвардейская пѣхота и конница подъ начальствомъ принца Леопольда, а также и отрядъ Гельфрейха. Я самъ посѣщилъ туда и нашелъ тамъ Остермана вмѣстѣ съ Ермоловымъ. Во время нашего разговора прибылъ также князь Шаховской съ полками 2-го корпуса, бывшими у Гроссъ-Котты. Слѣдовавшіе за нимъ баталіоны полковъ Муромскаго и Минскаго были атакованы сильною непріятельскою колонною, во главѣ которой находился 7-й легкій линейный полкъ, и разбиты по частямъ.

Я немедленно поворотилъ Черниговскій полкъ на лѣво, повелъ его фронтомъ черезъ Бушверъ и направилъ на непріятельскія колонны, прикрытыя густою цѣпью стрѣлковъ. Изумленный непріятель далъ залпъ, но это не помѣшало остатку нашей колонны, съ незначительнымъ урономъ, отдѣльными частями пробиться на большую дорогу между Гелендорфомъ и Петерсвальде. Ермоловъ оставилъ намъ въ подкрѣпленіе гвардейскій Егерскій полкъ позади Гисгюбеля и баталіонъ Семеновскаго полка у Гелендорфа. Первый прикрывалъ трѣмя густыми колоннами наше отступленіе, совершившееся безъ малѣйшей остановки до Петерсвальде.

Въ то же время, бригада Иванова (полки Ревельскій и 4-й Егерскій), завязавшая дѣло у Пирны, отошла черезъ Геперсдорфъ и находилась на дорогѣ къ Шенвальду и Нолендорфу, какъ и было назначено по диспозиціи.

Генералъ Пышницкій, съ полками Волынскимъ и Кременчугскимъ, отступилъ съ боемъ на Кричвицъ, поддерживаемый полковникомъ Вольфомъ, и хотя путь отступленія его былъ отрѣзанъ, но оберквартирмейстеръ Гофманъ направилъ его также на Нолендорфъ чрезъ Геперсдорфъ и Шенвальдъ, куда онъ и прибылъ.

Наконецъ, генералъ-маіоръ Кнорингъ съ своимъ Татарскимъ уланскимъ полкомъ прибылъ у Гисгюбеля и достигъ до Петерсвальде вечеромъ 28-го августа.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ виду сильнаго непріятели и параллельно его фронту, началось весьма затруднительное отступленіе. Хотя въ эту минуту 2-й корпусъ и былъ разбросанъ, но все таки предполагаемая цѣль была достигнута. Оставленные въ резервъ, подъ начальствомъ полковника Вольфа, четыре полка и третья часть корпуса потянулись на шенвальдскую дорогу, а оставшіеся въ лѣсу баталіонъ Минскаго полка только что прибылъ къ Петерсвальду и то частями. У князя Шаховскаго въ непосредственномъ распоряженіи оставалось передъ Петерсвальдомъ только двѣ трети полковъ: Тобольскаго, Муромскаго и Черниговскаго, всего окожо 2,000 человекъ. 20-й, 21-й и

34-й Егерскіе полки выступили еще 25-го числа съ графомъ Витгенштейномъ по направленію къ Дрездену. Гвардія, кавалерія, артилерія и отрядъ Гельфрейха прошли длинную деревню Петерсвальде и стали за нею на бивакахъ. Такъ какъ въ сумеркахъ замѣтили, что непріятельскія колонны готовились окружить деревню, то въ 11 часовъ ночи я приказалъ слѣдовать туда же князю Шаховскому и генералу Кнорингу.

Ермоловъ далъ Остерману подписать приказъ, по которому назначено было: гвардіи, 29-го въ пять часовъ утра, отступить на теплицкую дорогу, а мнѣ съ остальными войсками остаться въ арьергардѣ. Противъ этого я не могъ возражать, но не въ силахъ былъ скрыть опасенія, что такое распоряженіе можетъ имѣть дурныя послѣдствія и, къ сожалѣнію, не ошибся.

Дорога деревней Петерсвальде тянется на протяженіи мили. За деревнею я расположилъ въ кустахъ отрядъ генерала Гельфрейха; къ нему ночью долженъ былъ присоединиться съ своимъ отрядомъ и князь Шаховской. Самъ я, находясь между этими двумя отрядами, остановился на время въ деревнѣ, чтобы дожидаться князя Шаховскаго. Была уже полночь, а онъ еще не приходилъ. Я послалъ ординарцевъ отыскивать его; они донесли мнѣ, что князь стоялъ еще на прежнемъ мѣстѣ, а не шелъ, какъ я полагалъ, боковою дорогою. Затѣмъ, я отправилъ къ нему своего старшаго адъютанта полковника Вахтена съ приказаніемъ выступить какъ можно скорѣе. Неприбытіе князя я относилъ къ какому нибудь недоразумѣнію, а потому тотчасъ же воротился назадъ къ генералу Ермолову для того, чтобы предложить ему ускорить отступление гвардіи, что и было имъ тогда же исполнено. За тѣмъ я поѣхалъ къ генералу Гельфрейху.

Уже разсвѣтало, а князь Шаховской все еще не являлся; это меня очень беспокоило. Наконецъ, въ густомъ туманѣ показался онъ въ головѣ Муромскаго полка и, подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что получилъ ночью, чрезъ какого-то офицера Семеновскаго полка, приказаніе графа Остермана «отнюдь не оставлять своей позиціи и разводить больше бивачныхъ огней, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ силъ»; поэтому онъ тогда только двинулся съ мѣста, когда получилъ приказаніе отъ меня. По словамъ князя, за нимъ слѣдовалъ и весь отрядъ; но въ этомъ онъ ошибся: вмѣсто остальныхъ полковъ, мы увидѣли толпу беспорядочно отступавшихъ; въ то же время частые выстрѣлы возвѣстили намъ близость непріятельской кавалеріи; видѣть же что-либо не было никакой возможности—густой туманъ застигнулъ всѣ предметы. Отступление сначала

имѣло видъ полного пораженія, но впоследствии оказалось только нѣкоторое разстройство, безъ большихъ потерь. Послѣ я узналъ, что наша пѣхота, проходившая частями чрезъ деревню, была со всѣхъ сторонъ атаквана не только непріятельскою кавалерією, но и нашими татарскими уланами, опрокинутыми непріятелемъ и скакавшими по деревнѣ въ разсыпную. Защитою пѣхотѣ послужили туманъ и соседніе дома, а спасеніемъ своимъ она была обязана кавалеріи принца Леопольда, который смѣло бросился съ своими кирасирами на непріятеля и далъ время пѣхотѣ свободно выйти изъ деревни къ Нолендорфу. При этомъ не обошлось безъ большого замѣшательства: значительная часть отряда блуждала въ лѣсу и по горамъ, и собралась только поздно вечеромъ. Послѣ дѣла въ войскахъ князя Шаховскаго не досчитывались почти 1,000 человекъ; изъ нихъ къ вечеру возвратилось около 600 съ подполковникомъ Левенгофомъ, котораго мы считали пропавшимъ. Такимъ образомъ, мы потеряли до 400 человекъ и съ ними командира Тобольскаго пѣхотнаго полка, полковника Трефурта, понавагоса въ плѣнъ.

О кавалерійской атакѣ мы узнали только по звукамъ трубы и по прекратившейся стрѣльбѣ; туманъ былъ такъ густъ, что едва можно было видѣть свою руку. Когда собрались и примкнули къ Муромскому полку разсыпавшіяся части отряда, тогда началось, подъ прикрытіемъ дѣйбъ-гусаровъ, правильное отступление къ Нолендорфу. Непріятельская пѣхота, слѣдуя за нами по пятамъ, провожала насъ выстрѣлами. Передъ нолендорфскою киркою генераль Ермоловъ прислалъ къ намъ въ подкрѣпленіе гвардейскую бригаду генераль-маіора Храповицкаго. Арьергардъ нашъ прощель мимо гвардейскихъ егерей, разсыпанныхъ по кустамъ за нолендорфскою часовнею; тамъ же стояли на позиціи полки: Измайловскій и прибывшіе изъ Геперсдорфа и Шенвальда Ревельскій и 4-й Егерскій. Сюда подѣхала сильная батарея, открыла огонь, и непріятель былъ задержанъ около полутора часа. Въ продолженіе этой битвы я отправилъ гвардейскую бригаду къ генералу Ермолову, уже выступившему въ кульмскую долину, а самъ послѣдовалъ туда тогда только, когда туманъ совершенно разсѣялся и мы ясно увидѣли стоявшаго передъ нами въ превосходныхъ силахъ непріятеля.

Здѣсь я узналъ, что отрядъ генерала Пышницкаго, который долженъ былъ слѣдовать изъ Шенвальда за полковникомъ Ивановымъ, прибылъ ко мнѣ только вечеромъ. Генераль Пышницкій сообщилъ мнѣ, что онъ, выходя изъ Шенвальда, сбился съ дороги и вмѣсто того,

чтобы идти на Нолендорфъ, пошелъ чрезъ Граупенъ къ Теплицу, гдѣ генералъ Барклай лично направилъ его на Пристенъ.

Затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ нашъ аріергардъ утромъ 29-го, старались приписать винѣ князя Шаховскаго. Считаю обязанностью опровергнуть такое обвиненіе. Всѣ недоразумѣнія и бесполезныя потери произошли только отъ того, что, по высказаннымъ уже мною причинамъ, не было единства въ распоряженіяхъ.

Спустившись въ кульмскую долину, я нашелъ генерала Ермолова и графа Остермана у разрушенной деревни Пристенъ, гдѣ узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ прусскаго короля—всѣми силами удерживать дефиле, пересѣкающія горныя дороги, по которымъ тянулась наша армія. Вслѣдъ затѣмъ прибыли къ графу Остерману прусскій флигель-адъютантъ фонъ-Нацмеръ, генералъ Кнезебекъ и, наконецъ, самъ его величество король.

Когда король уѣхалъ, 1-я гвардейская дивизія расположилась за деревнею на отдыхъ; направо отъ нея отрядъ генерала Гельфрейха, а на равнинѣ противъ Карвица—наша кавалерія; артилерія выѣхала вся на шоссе. Войска 2-го корпуса слѣдовали за мною; въ аріергардѣ, на кульмскихъ высотахъ, остались только 4-й Егерскій и Ревельскій пѣхотный полки съ татарскими уланами. Непрiятель шелъ по дорогѣ изъ Нолендорфа, спускаясь съ горъ по направленію къ Теплицу и оставляя насъ въ неизвѣстности на счетъ своихъ дальнѣйшихъ намѣреній.

Между тѣмъ, я осмотрѣлъ поле сраженія; мнѣ казалось, что лѣвый флангъ нашъ, ближайшій къ горахъ, легко могъ подвергнуться нападенію непріятеля. Армейская пѣхота, послѣ продолжительнаго боя, не только была въ изнеможеніи, но даже не совсѣмъ была въ сборѣ и недостаточно снабжена патронами. Поэтому, въ первую минуту я вынужденъ былъ обратиться за помощью къ гвардіи и просилъ генерала Ермолова послать къ деревнѣ Страденъ гвардейскій Егерскій полкъ, что послѣ нѣкоторыхъ возраженій и было исполнено. Тотчасъ же отправился туда и слабый Муромскій полкъ съ нѣсколькими орудіями. Этотъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ пяти баталіоновъ, отданъ былъ подъ начальство генералъ-маіора Бистрома. Въ это же время завязался жаркій споръ между генераломъ Ермоловымъ и моимъ оберъ-квартирмейстеромъ, полковникомъ Гофманомъ, который выразилъ мнѣніе, что развалины Пристена должны бы оставаться незанятыми, чтобы позади стоявшая батарея могла свободно дѣйствовать. Такъ какъ генералъ Ермоловъ съ этимъ не соглашался, то я положилъ занять

деревню полками Ревельскимъ и 4-мъ Егерскимъ, если бы они оставили Кульмъ.

Прочія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: кирасиры Ея Величества, татарскіе уланы, казаки Иловайскаго 12-го, два эскадрона дубенскихъ гусаровъ, два эскадрона Серпуховскаго уланскаго полка и два эскадрона австрійскихъ драгуновъ полка эрцгерцога Іоанна, присланные къ намъ въ подрѣпленіе королемъ прусскимъ, заняли долину, тянущуюся съ правой стороны отъ Пристена до городка Карвицъ. Гвардейская конная батарея полковника Бистрома выѣхала передъ Пристенъ, вблизи шоссе. Подки 2-го корпуса: Черниговскій, Тобольскій и Минскій остановились въ баталіонныхъ колоннахъ позади деревни Пристенъ, а налѣво отъ нихъ, въ такомъ же строѣ, стали подки: Тенгинскій и Эстляндскій и баталіонъ Великой Княгини Екатерины Павловны, подъ начальствомъ Гельфрейха. Весь этотъ центръ, имѣвшій передъ собою батареи Байкова и Черемисинова и состоявшій изъ моего 2-го корпуса, находился теперь подъ непосредственнымъ начальствомъ генераль-маіора князя Шаховскаго. Къ самой деревнѣ выдвинулись полки Ревельскій и 4-й Егерскій. Я находился между ними и гвардейскою конною батареею, чтобы удобнѣе обозрѣвать нашу авангардъ. Лѣвое крыло наше, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ермолова и подчиненнаго ему генераль-маіора барона Розена, было расположено у самыхъ горъ. Оно состояло изъ девяти баталіоновъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, позади которыхъ стоялъ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Немного позднѣе, подошли и лейбъ-уланы и построились нѣсколько далѣе, въ дивизионныхъ колоннахъ съ полными дистанціями, позади отряда генерала Бистрома. Графъ Остерманъ, сколько мнѣ извѣстно, почти во все время битвы находился вблизи генерала Ермолова.

Наши силы передъ началомъ сраженія состояли изъ 12 баталіоновъ и 10 эскадроновъ гвардіи, 16 слабыхъ баталіоновъ армейской пѣхоты, 14 эскадроновъ армейской кавалеріи, 5 сотенъ казаковъ и около 67 орудій (точное число ихъ я теперь не могу вспомнить). Въ гвардейской пѣхотѣ было въ то время на лицо 6,700 человекъ, въ армейской—5,500, кавалеріи около 2,000; а всего находившихся въ дѣлѣ 14,200 человекъ, кромѣ артилеристовъ.

Позднѣе, уже во время сраженія, подоспѣли: къ правому флангу—часть 1-й кирасирской дивизіи; къ центру—3-я кирасирская дивизія, а къ лѣвому флангу—лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ; всего отъ 3,000 до 4,000 кавалеріи.

Но довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, непріятельскія войска, подъ главнымъ начальствомъ Вапдама, 26-го и 27-го августа переправились черезъ Эльбу въ числѣ 37,000, состоявшихъ изъ 1-го корпуса и части 14-го, съ значительнымъ числомъ кавалеріи. Послѣ незначительныхъ потерь у Кричвица, они достигли кульмскихъ высотъ въ числѣ около 25,000 человекъ, откуда и вытѣснили русскій арьергардъ. Остальные французскія войска прибыли только 30-го августа.

Только въ часъ по полудни непріятель очутился подъ выстрѣлами батареи полковника Бистрома, поставленной на шоссе, вправо отъ Пристена. Наступленіе французовъ съ этой стороны казалось, однако, не особенно важнымъ. Непріятель расположилъ сильныя батареи на кульмскихъ высотахъ; впрочемъ, батареи эти мало наносили вреда нашимъ передовымъ линіямъ, закрытымъ кустами, заборами и стѣнами; но за то непріятель направилъ такія значительныя массы пѣхоты на войска генерала Бистрома, стоявшія у Страдена, что онъ, послѣ упорнаго боя, вынужденъ былъ мало по малу отступать къ Эггенской мельницѣ, находившейся въ лѣсистыхъ горахъ, гдѣ и остановился на оконечности лѣваго фланга нашей позиціи. Непріятель долженъ былъ переходить между горами и Пристеномъ подъ выстрѣлами остальной части нашихъ войскъ, и потому не могъ быстро преслѣдовать генерала Бистрома, не завязавъ дѣла со всею нашею линією. Передовыя колонны французовъ должны были прежде всего вступить въ бой съ Семеновскимъ полкомъ, посланнымъ противъ нихъ генераломъ Ермоловымъ. Повторенныя атаки непріятеля были отбиты двумя баталіонами Преображенскаго полка. Но такъ какъ французскія войска между горами и Пристеномъ усиливались, то въ огонь должны были идти и полки Этляндскій, Тенгинскій, Тобольскій и Черниговскій. Около Юхтенской часовни произошелъ упорный рукопашный бой.

Хотя отдѣльные начальники и увѣдомляли о своихъ дѣйствіяхъ въ дѣлѣ, начавшемся у Страдена и продолжавшемся у Эггенской мельницы и далѣе у находящейся вправо Юхтенской часовни, но донесенія эти, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, не могли до меня дойти, такъ какъ самъ я въ это время участвовалъ въ сильной схваткѣ и могъ судить о положеніи дѣла лишь поверхностно. Обо всемъ, что произошло въ окрестностяхъ Эггенской мельницы, можно получить болѣе подробныя свѣдѣнія изъ военныхъ журналовъ генераловъ барона Розена и Ермолова.

Послѣдствіемъ всего дѣла было то, что непріятель, мгновенно отброшенный вѣтвомъ, повелъ сильную атаку на нашъ центръ, на При-

стенѣ. Въ этой деревнѣ невозможно было удержаться; непріятель бросился на батарею, стоявшую позади деревни, но князь Шаховской, съ полками Ревельскимъ, Минскимъ и 4-мъ Егерскимъ, отбросилъ его далеко назадъ за деревню: Обѣ батареи Байкова и Черемисинова (20 орудій) я поставилъ влѣво отъ Пристена, съ тѣмъ, чтобы при новой атакѣ непріятеля на нашъ лѣвый флангъ онѣ дѣйствовали ему во флангъ. Это было крайне необходимо, такъ какъ нашъ лѣвый флангъ уже неоднократно подвергался сильнымъ атакамъ французской пѣхоты, хотя непріятель и ни разу не могъ достигнуть желаемой цѣли. Тогда, подъ прикрытіемъ своихъ орудій, расположенныхъ на страденскихъ высотахъ, французы повели атаку въ одно и то же время на наши батареи и на деревню Пристенъ. За деревнею выстроились гвардейская артилерія и 3-я кирасирская дивизія. Стрѣлки наши очистили деревню, и вслѣдъ затѣмъ князь Шаховской, густыми колоннами пѣхоты, вновь отбросилъ непріятеля. Ходъ дѣла казался опаснѣе на лѣвомъ флангѣ, гдѣ сильная непріятельская колонна подошла такъ близко къ батарее Черемисинова, что она едва успѣла взять на задки и отъѣхать, такъ какъ прикрывавшая ее пѣхота не въ силахъ уже была удерживать непріятеля. Въ такомъ критическомъ положеніи отправилъ я моего адъютанта Бурселя къ генералу Храповицкому, находившемуся недалеко отъ меня съ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ. Ермоловъ, которому я далъ знать черезъ поручика Гельдорфа о необходимости послать этотъ полкъ на помощь, неохотно согласился пустить въ дѣло свой послѣдній резервъ. Я поспѣшилъ самъ къ нему, чтобы убѣдить его въ этой необходимости. Здѣсь я долженъ замѣтить, что Остерманъ прервалъ мое короткое объясненіе съ Ермоловымъ слѣдующими словами: «*Mais si le prince le veut*» (*). Послѣ этого, я тотчасъ же уѣхалъ. Между тѣмъ, генералъ Храповицкій, по указанію моего адъютанта, велѣлъ взять ружья на руку и бѣглымъ шагомъ двинулся на встрѣчу непріятеля. Въ одно мгновеніе враги были отброшены, частью уничтожены и батарея спасена. Это истинно славное дѣло заслуживаетъ словъ Цезаря: «*veni, vidi, vici*» (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ). При этомъ были тяжело ранены генералъ Храповицкій и полковники Мартыновъ и Мордвиновъ.

Едва непріятель былъ вытѣсненъ изъ Пристена, а я тамъ разлѣзжалъ между застрѣльщиками, какъ пріѣхалъ ко мнѣ генералъ Ермоловъ и объявилъ, что у графа Остермана ядрою оторвало руку. Я только что расстался съ графомъ, а потому это извѣстіе меня очень поразило; мнѣ не могли еще рассказать о подробностяхъ этого несча-

(*). Но если это угодно принцу.

стія. Послѣ я узналъ, что ему сдѣлали ампутацію въ рядахъ прибывшей на мѣсто прусской гвардіи, и что король прусскій подѣлжалъ къ нему и съ участіемъ разспрашивалъ о его ранѣ. Графъ открылъ глаза, и первое слово его было: «Sire? mon maître est il en sûreté» (*).

Не смотря на послѣднюю неудачу, непріятель рѣшился еще на отчаянное нападеніе. Между 6-мъ и 7-мъ часомъ вечера сильная непріятельская колонна, имѣвшая въ головѣ 7-й легкій пѣхотный полкъ, бросилась стремительно на батареи 2-го корпуса, у которыхъ полковникъ Черемисиновъ былъ уже убитъ и которыя были осыпаемы градомъ пулъ. Изъ всей пѣхоты нашей не были въ дѣлѣ только двѣ роты Преображенскаго полка, и ихъ то я взялъ, чтобы поддержать пѣхоту, находившуюся въ сильномъ бою у Пристена. Въ эту минуту прибылъ ко мнѣ оберъ-квартирмейстеръ Барклая, генералъ-маіоръ баронъ Дибичъ (сынъ бывшаго моего учителя въ С.-Петербургѣ, въ 1801 году) и сообщилъ, что за нимъ слѣдуютъ прусская гвардія, 1-я русская гренадерская дивизія и 2-я гвардейская дивизія; онъ извѣстилъ меня также о скоромъ прибытіи Барклая-де-Толли и передалъ мнѣ его строгое приказаніе удерживать нашу позицію до послѣдней крайности. Когда Дибичъ увидѣлъ дѣйствительную опасность нашего положенія, онъ сейчасъ же рѣшился принять всевозможныя мѣры къ отвращенію ея. Какъ уже было сказано, послѣдній изъ полковъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи генерала Шевича, лейбъ-Драгунскій, прибылъ къ нашему лѣвому крылу и выстроился на правомъ флангѣ лейбъ-улановъ. Дибичъ самъ повелъ драгуновъ впередъ, въ то время какъ я съ двумя кирасирскими полками 3-й дивизіи бросился черезъ Пристенъ на отступающаго непріятеля, а лейбъ-уланы должны были атаковать его съ лѣваго фланга отъ горъ. Дибичъ, съ 1-мъ дивизиономъ драгуновъ, ударилъ прямо на непріятеля, который такъ былъ ошеломленъ этимъ стремительнымъ впаденіемъ (какъ говорилъ Дибичъ), что едва могъ сопротивляться. Драгуны съ бѣшенствомъ врубались въ ряды ихъ; впереди Дибича скакалъ храбрый вахмистръ Гейсеровъ, а рядомъ съ нимъ князь Михаилъ Горчаковъ, и оба они были тяжело ранены. Атака лейбъ-улановъ съ фланга, подъ начальствомъ принца Карла Гесенъ-Филипстагскаго, который здѣсь также былъ тяжело раненъ, докончила пораженіе непріятеля; остатки его были преслѣдуемы кирасирами до Страдона, гдѣ Вандамъ собралъ разбитую дивизію, а остальные

(*). Скажите, ваше величество, въ безопасности ли мой государь?

войска свои сосредоточилъ на кульмскихъ высотахъ, и въ этотъ день уже болѣе ничего не предпринималъ.

Такъ какъ я исключительно былъ занятъ около Пристена, то и не могъ видѣть въ подробности боя, который выдержала кавалерія на правомъ флангѣ. Она была отдѣлена отъ непріятеля ручьями, и полагаю, что болѣе потерѣла отъ огня орудій, чѣмъ отъ отдѣльныхъ атакъ. Ея блистательныя дѣйствія были въ предшествующихъ битвахъ и 30-го августа, гдѣ подъ начальствомъ генераловъ принца Леопольда и Кноринга, она оказала особенную храбрость.

Главную выгоду нашего положенія можно было приписать увѣренности въ обеспеченности нашего лѣваго фланга: высокія горы съ отвѣсными утесами затрудняли непріятелю обходъ, а прикрытыя мѣстностью батареи наши, стоявшія въ центрѣ, могли дѣйствовать со стороны Пристена во флангъ непріятеля, наступающаго между горъ и деревнею, и затруднять его наступленіе. Въ тоже время, храбрая гвардія подъ начальствомъ Ермолова была для непріятельскихъ войскъ неодолимою преградой, о которую разбивались всѣ ихъ усилія. Необыкновенная храбрость русскихъ войскъ въ этотъ достопамятный день признана исторіею; было бы, однако, несправедливо не признать и безграничнаго рвенія французовъ, которые въ неоднократно повторяемыхъ атакахъ выказали много самопожертвованія.

Наша гвардейская пѣхота потеряла 29-го августа убитыми и ранеными 2,800 человекъ, армейская пѣхота, 29-го и 30-го августа, 2,400 человекъ, а кавалерія около 800; такъ что общая потеря наша доходила до 6,000, какъ значитса почти во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ (*).

Влестящій результатъ боя 30-го августа, подъ главнымъ начальствомъ Барклая, должно приписать тому, что генералъ Клейстъ съ прусскимъ корпусомъ, найдя дорогу черезъ Граупенъ занятою, рѣшился идти на Нолендорфъ и тамъ пробиться сквозь непріятеля, вторгнувшася уже въ Богемію; этимъ онъ и содѣйствовалъ совершенному его пораженію; но вмѣстѣ съ тѣмъ удачный исходъ этого

(* Я считаю особеннымъ долгомъ отдать полную справедливость заслугамъ генералъ-майоровъ: князя Шаховскаго и Гельдрейха, какъ въ этихъ, такъ и въ прежнихъ событіяхъ этого времени, и отличнымъ распоряженіямъ и дѣятельности моего тогдашняго начальника штаба, полковника Гофмана. Съ живѣйшею благодарностью вспоминаю я о нихъ и о полезной дѣятельности полковника Вахтенъ, а также и о неутомимомъ рвеніи всѣхъ офицеровъ, состоявшихъ при моемъ штабѣ. Между ними я особенно упомяну о своихъ адъютантахъ: Молоствовыхъ 1-мъ и 2-мъ, Гротенгельмъ, Гельдорфъ, Курсель, Фрейгангъ и Штиртельмъ.

сраженія нельзя приписать однимъ только дѣйствіямъ праваго фланга; въ этомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, участвовало лѣвое крыло подѣ непосредственнымъ начальствомъ Барклая съ австрійскими войсками генераловъ: Колоредо и Бинни, и съ кавалеріею принца Леопольда и Кюринга, 1-ю гренадерскою австрійскою дивизіею, бригадою принца Гесенъ-Гомбургскаго и русскою бригадою генерала Пышницкаго, подѣ начальствомъ генерала Раевского.

Еще 29-го вечеромъ, Ермоловъ съ гвардейскою пѣхотою отступилъ въ резервъ; Пышницкій примкнулъ къ лѣвому крылу, а у меня въ центрѣ находились только остатки 2-го корпуса, отрядъ генерала Гельфрейха и л.-гв. Гусарскій полкъ, съ которыми я получилъ разрѣшеніе, тотчасъ послѣ атаки Клейста, броситься на кульмскія высоты. Это было исполнено съ большимъ успѣхомъ; высоты взяты приступомъ, намъ досталось 21 орудіе; непріятеля преслѣдовали въ горы и много взято плѣнныхъ, между которыми находился самъ генералъ Вандамъ.

Потери 2-го корпуса и отряда Гельфрейха, отъ 25-го до 30-го августа, простирались до 7,000 убитыми и ранеными. Удивительнѣе всего, что въ приказѣ по арміи отъ 31-го числа какъ объ этомъ дѣлѣ, такъ и обо мнѣ ни слова не упомянуто. Это приписано (впрочемъ, несправедливо) непріязненному расположенію ко мнѣ Барклая-де-Толли. Обстоятельство очень просто объясняется тѣмъ, что когда состоялся приказъ, я еще находился въ огнѣ и, занятый ходомъ боя, не имѣлъ времени послать донесеній, безъ которыхъ генералъ Барклай, 31-го рано утромъ, не могъ имѣть никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ. Графъ Остерманъ, котораго считали за главнаго начальника, былъ тяжело раненъ и отвезенъ въ Теплицъ, а Ермоловъ, какъ я слышалъ, въ донесеніи своемъ о гвардіи, не считалъ себя въ правѣ упомянуть о дѣйствіяхъ корпуса, ему неподчиненнаго. Почему я впоследствии не протестовалъ, объясняется сущностью дѣла. 28-го числа генералъ Барклай дѣйствовалъ вопреки распоряженію главнокомандующаго, взявъ, вмѣсто назначеннаго ему пути къ отступленію, другое направленіе на Петерсвальде. Побѣда 30-го августа, приписанная Барклаю, не могла прекратить существовавшее несогласіе между нимъ и австрійскимъ главнокомандующимъ. Если бы я открыто женовался на Барклая, на что мнѣ давалъ право приказъ его по арміи, тогда было бы официально извѣстно назначеніе Остермана; а это несомнѣнно было бы непріятно Государю (*).

(*) Императору Александру легко могло быть неизвѣстно положеніе Остер-

До какой степени Государь былъ доволенъ моими дѣйствіями, можетъ себѣ представить только тотъ, кому известны трогательныя слова Монарха; когда онъ въ первый разъ увидѣлъ меня послѣ сраженія, и кто знаетъ содержаніе рескрипта на орденъ св. Владимира 1-й степени, который я получилъ на самомъ полѣ битвы, а также письма тетки и воспитательницы моей, Императрицы Маріи Феодоровны, матери Императора Александра. Эти письма не остались тайной и кто ихъ знаетъ, тотъ, по справедливости, не можетъ раздѣлять упрековъ, которые мнѣ были сдѣланы, будто я безпрестанно выставялъ на видъ свои дѣйствія, преувеличивая ихъ достоинство. Даже теперь возникаютъ споры между обиженными очевидцами этой битвы и людьми, не знающими хода дѣла; они такъ ошибочно выставили мои дѣйствія, что я счелъ нужнымъ разъяснить безпристрастно въ этой статьѣ моей всѣ обстоятельства Кульмскаго боя (*).

1857 года.

мана. Не могъ же онъ знать обстоятельно нравственное состояніе всѣхъ генераловъ 1812 года; къ тому же онъ въ это время и не находился лично при арміи.

(*) Упомянутыя принцемъ письма и другіе документы помѣщены въ № 8-мъ «Военнаго Сборника» за 1869 годъ, въ предисловіи къ сочиненію Гельдореа.

Ред.